

Г.С. Молоков

В капкане

Новосибирск-2008

В память об отце моем,
Молокове Самсоне Аверьяновиче

I

Прошло так много лет с тех трагических событий, перевернувших жизнь многих тысяч семей, ввергнувших их в нищету и совершенное бесправие, что, казалось бы, давно должно быть забытым, стертым из памяти, как слова, написанные на грифельной доске. Но память время от времени извлекает из своих глубин все, что случилось конкретно с каждой семьей простых людей, хлеборобов, беззаветных тружеников, кормильцев целого государства, совсем недавно с оружием в руках, потом и кровью утверждавших завоевания рабочих и крестьян.

И вот единым махом все перечеркнуто, искорежено, обесценено.

Десятки тысяч семей оказались в такой «тмутаракани», где в полном смысле слова не ступала нога человека. Дикая угрюмая тайга, непроходимые, бесконечные болота. Лишь изредка по берегам таежных рек и речушек были поселения людей, прибывших сюда из европейской России в годы столыпинских реформ. По сосновым борам, извиваясь, пролегли чуть заметные дороги.

Вот такие две дороги соединялись вместе на одной обширной поляне перед сосновым бором, в котором разместился кержацкий поселок.

Прошел месяц нового 1938 года. Морозы в ту зиму стояли свирепые. В дремучей тайге ночью гулко раздавались выстрелы – это морозы рвали ткани вековых сосен. Казалось, жизнь замерла в далеком глухом поселке спецпереселенцев Симоновке Зырянского района Томской области.

Поселок в несколько улиц. Кое-где высятся «журавли» колодцев, пни от сосен, спиленных восемь лет назад, когда строился этот поселок.

Все домишки были на одно лицо: двускатная тесовая крыша, подслеповатые окна, небольшие сени и жилая часть из одной комнаты площадью двенадцать квадратных метров для любой семьи. В углу большая глинобитная русская печь, у стены единственная деревянная кровать, в переднем углу стол, лавки. Родителям кровать, всем остальным – пол, печь. Около печи, у двери, рукомойник.

Таких «квартир» в домишке две. Около дома надворные постройки для домашней живности, если таковая имелась.

Были в поселке и культурные очаги – клуб, начальная школа, «молзавод», магазин и, конечно же, спецкомендатура с комендантом, который и вершил суд и расправу над всеми подвластными ему жителями от старого до малого. Медпункта не полагалось, так как болеть тоже никто не имел права. Кому умереть, тот и без фельдшера умрет.

Километрах в двух от поселка располагался огромный лагерь – называли его ГУЛАГ, в стороне от него еще один спецпоселок - Сухой Лог.

В двенадцати километрах на берегу таежной реки Чети село Яранское, заселенное в годы столыпинских реформ вятичами.

Несколько лет все трудоспособные поселка были заняты одним делом: пилили лес, доставляли его на берег Чети, весной сплавляли по полой воде. Да еще добывали сосновую смолу – живицу. Это летняя изнурительная работа. Гнус заедал, несмотря на черные сетки, которые закрывали лицо и шею рабочего.

За несколько лет около поселка выросло кладбище, где покоились все те, кто попал под огромную лесину при ее повале, кто надорвался на каторжном труде. Лес заготавливался ручными пилами.

Вот уже несколько лет живут здесь семьи, свезенные из разных мест Сибири. В основном здесь были люди с Алтая.

Изо дня в день, из года в год жизнь текла однообразно. Никто не видел никакого просвета даже в ближайшее время. Дети подрастали, заканчивали начальную школу. Некоторым разрешал комендант учиться дальше, но это было за сто километров

от семьи. Принимали детей спецпереселенцев только в Берлинскую ШКМ - школу крестьянской молодёжи, в шести километрах от райцентра с. Зырянское.

Для детей и семьи это была и радость, и великие трудности: где пристроить на жизнь своего ученика, как он будет питаться. Хорошо, если хозяева согласятся кормить за определенную плату. Да и как выкроить из нищенской зарплаты деньги на содержание! Но родители шли на все лишения в надежде, что сын или дочь получит образование и, может быть, вырвется из-под власти коменданта.

На зимние каникулы небольшая кучка ребят в незавидной одежде, голодные, по трескучему морозу двое суток пешком добираются к своим родителям, а затем, нагруженные хлебом, идут в обратный путь.

Большинство же подростков оставались дома после школы, и их ждала та же участь, что и отцов.

Вечерами в клубе молодежь собиралась на танцы. Никакого кино не было. Радио тоже, как и газет.

Что творилось за пределами поселка, никто толком не знал.

Время от времени в комендатуру приезжало начальство в кошевах, запряженных откормленными конями. Поселок замирал в ожидании: что будет, зачем приехали, кого заберут, или же пронесет?

Регулярно через поселок проходил очередной этап осужденных в лагерь.

Шли годы. Лес в окрестностях вырезали, заготовка стала проводиться в отдаленных лесных массивах. Часть мужчин были направлены на новые участки. В поселке же было приказано организовать колхоз.

Некоторые вступили, часть отказалась.

Среди отказавшихся был и мой отец Молоков Самсон Аверьянович. Отказались и члены его бригады лесозаготовителей.

Это было уже слишком. Комендант рвал и метал, а упрямые мужики не сдавались. Но сказано: плетью обуха не перешибешь;

не справляй нужду против ветра. Крамола должна быть искоренена, выкорчевана с корнем.

Комендант Иван Иванович не был человеком с широким лбом; это был обычный тупица, заслуживший пост коменданта рвением и жестокостью. Решил Иван Иванович взять мужиков измором. Посыпались задания: корчевать пни на улицах поселка, завозить продукты в ГУЛАГ и т.д. Ни того, ни другого упрямыцы не могли выполнить голыми руками. Что же делать дальше? Ведь глядя на них и другие, чего доброго, уйдут из колхоза. Но тут коменданту повезло: вызвали в райотдел НКВД на совещание.

- У кого будут вопросы?- обратился начальник к вызванным.

- Вот у меня, - поднялся Иван Иванович, - у меня некоторые мужики не пошли в колхоз. Не выполняют моих приказов, отказываются.

- Что это за мужики? - грозно спросил начальник. - Что значит - не пошли в колхоз, да еще и строптиво ведут себя? Кто они, чтобы не подчиняться органам? Шибко образованные?

- Да нет, - Иван Иванович осклабился. - Нет, они расписываются печатными буквами.

- А ты не смотри, что они по банному крыты. Надо видеть их вражеское нутро. Ты знаешь, что у нас в Томском крае, конкретно у нас в тайге, в низовьях Оби, в верховьях Чулыма создана кадетско-монархическая террористическая организация? Ее цель - свергнуть Советскую власть и восстановить царя на престол. А у тебя под носом лагерь, вооруженная охрана. Охрану разоружат, всех вас там перебьют, и двинуться дальше. Сольются с другими. Чуешь, куда дело клонится?

- Да что Вы, какая у меня организация! - сморщился, побледнел Иван Иванович.

- Вот-вот, какая у него организация! Кого-нибудь из них куда-либо из поселка отпустил?

- Да. Ходил в Окунево Молоков Самсон. Купил жеребенка на мясо. Больше никто.

-Ладно, зайдешь в первый отдел, получишь инструктаж. Мы им рога обломаем! Действуй. Срок тебе не более десяти дней. Как все подготовишь, дай знать нарочным. Приедут сотрудники и почистят поселок от всякого вражеского элемента.

Получив инструктаж, повеселевший Иван Иванович зашел в столовую со своими сослуживцами из других комендатур. Крепко выпив, пошел отдыхать на квартиру, где всегда останавливался, приезжая в райцентр.

- Так, голубчики! Вы у меня затанцуете! - победоносно размышлял он. Взбодренный изрядной дозой водки, Иван Иванович строил разные планы, как он отомстит за непослушание.

- Кровавыми слезами будете умываться, голубчики!

Довольный таким неожиданным поворотом дела, комендант уснул крепким сном.

Утром, напившись крепкого чаю с похмелья, он отправился в обратный путь, затаив в душе радость предстоящей расправы с этими неудобными мужиками.

II

На следующий день, рано утром, Иван Иванович придя в комендатуру, начал обдумывать, как осуществить расправу. План получился простым: надо иметь письменные доносы на неугодных – это раз. И найти, кто их напишет – это два. Ну, а дальше все пойдет как всегда: обыск ночью с понятыми, арест, этапом в райцентр, а там и дальше.... И концы в воду! Никто никогда не узнает, где эти люди. Вот так-то!

Комендант наморщил лоб, маленькие глазки в глубоких впадинах остекленели. Порывшись в пустом столе, нашел несколько листов бумаги. Начал писать. Набросал кое-какие соображения, которые должны быть использованы тем, кто будет строчить донос.

Перебрав в памяти всех своих осведомителей, остановился на бригадире колхоза и счетоводе. Доносов этих двух будет достаточно. Это уже точно, проверено не раз. Решил вызвать на

десятое февраля по одному. Вечерком. Поговорить с глазу на глаз.

Управившись с делами, Иван Иванович побывал в конторе колхоза, присмотрелся к двадцатилетнему счетоводу Гоше. Покалякал с ним о том, о сем, и, как бы, между прочим, пригласил его в комендатуру к восьми часам вечера. Бригадир был приглашен к пяти часам.

Десятого февраля, в условленное время, явился бригадир. Долго убеждать не пришлось: с готовностью написал донос на девять человек. Главный упор сделал на их строптивость, неговорчивость и какую-то подозрительную «возню». Ходят к друг другу, о чем-то разговаривают. Центром у них их бывший бригадир Самсон Молоков.

Самсон выделялся своим высоким ростом, спокойным голосом, уверенной походкой и большой физической силой. Запугать его было невозможно. Не из робких! Это привлекало к нему людей, но это же и раздражало коменданта, да и бригадира колхоза.

К восьми часам вечера явился счетовод Гоша. Рослый, смуглый лицом, услужливый. В семье отец, два старших брата, оба работали лоцманами, сплавляли лес матами по Чулыму в Томь, а затем в Обь до Колпашево.

Комендант обдумал ход беседы, на что надо сделать упор: подумай об отце, братьях, да и о себе не забудь, всякое бывает! Напомнил по секрету, что в тайге действует монархическая организация, а ее вождем является Самсон Молоков.

- Вы же соседи с Молоковым. Видишь, кто к нему ходит и как часто. А может, и у вас бывает. Может, что-то против советской власти толкует. Говорят, у них есть контрреволюционная организация. Вот об этом и напиши. Это и тебе зачтется. Согласие было немедленно получено.

Посидели, покурили, поговорили о предстоящей рыбалке на заморном озере, где ежедневно добывали из прорубей рыбу. Довольные друг другом, попрощавшись за ручку, разошлись по домам. На следующее утро Гоша вручил коменданту донос,

написанный убористым почерком. Трагические события не заставили себя долго ждать.

III

Через сутки в поселке появились двое молодых в штатском. Находились в комендатуре. От уборщицы стало известно, что сидят, читают какие-то листки, тихо между собой разговаривают. Один из них, видимо, старший, сидит за столом на месте коменданта. Весть об этих людях распространилась по поселку.

Вскоре к Молоковым пришел товарищ по работе на лесоповале Сартаков, поделился своими нехорошими предчувствиями. Рассказал о том, что комендант вызывал к себе председателя колхоза и распорядился лошадой в эти два дня никуда в извоз не отправлять, могут понадобиться. Куда? Зачем? Зачем прибыли люди в штатском, хотя явно, что это военные. Столуются у коменданта. Об этом в магазине поведала жена коменданта, сказав, что у неё много хлопот:

- Надо хорошо приготовить, водки прикупить, люди не простые.

Беспокоило и то, что в гости к Молоковым зачастил счетовод по вечерам, вел какие-то странные разговоры, на что хозяин отвечал односложно, либо вообще не удостоивал ответом.

Чувствовали неладное и другие мужики из строптивых антиколхозников. Так прошло два дня.

Самсон Аверьянович предчувствовал, что над его головой собирается гроза. Виду жене и детям не подавал, но усиленно что-то делал по хозяйству. Тщательно убрал навоз от коровы, откопал сено от снега, наколот дров, приготовил бересты на растопку печи. Вечером проверил свою обувь. Носил он зимой и летом обутки, сшитые из дубленой кожи, пропитанные дегтем и ворванью. Клал в них сенные стельки, наматывал портянки. Ногам тепло, сушить не нужно.

На душе щемило, а от чего, понять не мог. Одолевала какая-то тревога.

Как всегда, поужинали и вскоре улеглись спать. Берегли керосин. В комнате воцарилась тревожная тишина.

Но уснуть после трудового дня не удалось. Отец лежал с открытыми глазами, не спала и мать. Молчали.

Вскоре возле дома слышались шаги. Заскрипел снег на крыльце. Раздался резкий стук в дверь. Дверь на ночь закрывали на крючок – от беглых из лагеря.

Самсон Аверьянович встал, оделся, засветил лампу и пошел в сени.

- Кто там?

- Открывай, сосед, это я.- В открытую дверь вошел комендант с пистолетом, за ним двое незнакомых мужчин и сзади сосед в качестве понятого. Он топтался у порога, опустив глаза в пол. Чувствовал себя прескверно, но неволя есть неволя.

Первым заговорил комендант.

- Вот что, Молоков, давай чисто сердечно отвечай на вопросы.

- Задавайте. Что знаю, скажу.

- Где хранишь оружие?

- Да вы что, гражданин комендант, какое оружие. Оружие держал в руках в первую мировую войну с 1914 года, а потом в Красной Армии. С тех пор даже простой берданки не имел.

- Ты нам зубы не заговаривай, а то их можно и посчитать. В дело вступили двое приезжих. Первым делом приказали Анисье Яковлевне подняться с постели. Подняли и сына и дочь. Все они поднялись, надели на себя верхнюю одежду и застыли в страхе перед неизвестностью.

Начался обыск. Все было перевёрнуто, разбросанно. Ясно, что никакого оружия не обнаружили. Нашли фотографию и письма старшего сына, работавшего в одном из сёл учителем. С учёта в комендатуре он уже был снят.

Все эти вещественные доказательства были взяты. Больше взять было нечего.

- Ну, Молоков, одевайтесь, пойдемте с нами.

Анисья Яковлевна заголосила, бросилась к мужу, но ее грубо оттолкнули.

- Не плачь, Оня. Это недоразумение. Я ни в чем не виноват. Скоро вернусь домой. Дай мне хлеба.

Анисья Яковлевна трясущимися руками отрезала полбулки хлеба. Больше дать было нечего.

Самсон Аверьянович обнял жену, детей и вышел из дома. Анисья Яковлевна замертво упала на пол. Перепуганные дети окаменели и не могли сдвинуться с места.

Наконец Ванюшка сообразил, что надо матери дать воды, что он и сделал.

К утру, несколько успокоившись, Анисья Яковлевна начала вспоминать, что произошло, и ее пронзила мысль: почему же я не отдала весь каравай хлеба, а отрезала половину? Что же он обо мне подумает, где он сейчас, что с ним делают? Даже полотенца не дала. Если уж при детях готовы были избить, то, что же сейчас, когда он один, а их трое...

Тем временем, ночью, арестовали еще восемь врагов народа. Всех их втолкнули в маленькую комнатку молоканки. Утром наспех допросили, никто из арестованных не принял обвинения, которое им было предъявлено.

Обвинение было страшное: Молоков и Сартаков создали тайную кадетско-монархическую террористическую организацию. Цель: свергнуть советскую власть. Связались с центром этой организации, который находился в селе Парабель, в низовьях Оби, а во главе стоял один из потомков князей.

Разработали план действий: с голыми руками разоружить охрану лагеря, перебить её, выпустить заключенных и всей этой колонной двинуться в сторону Томска, ликвидируя по пути органы Советской власти, восстанавливая монархию. Этот чудовищный план даже в кошмарном сне не мог присниться неграмотным мужикам! Кто такие кадеты? Где они? Советская власть прочно стоит на ногах уже двадцать один год. Подобный план в глухой тайге мог зародиться только в большой голове. Но это не смущало работников НКВД и, тем более, коменданта. Арест

произведен. Обвинение предъявлено, хотя и начисто отвергнуто арестованными. Но это не беда. Привезут в райотдел НКВД – там есть заплочных дел мастера, языки развяжут. Уж кто-кто, а приезжие это хорошо знали, потому ехидно улыбались, глядя на опешивших мужиков.

IV

Вскоре к Анисье Яковлевне пришел друг ее мужа. Он сказал, что сегодня всех будут отправлять в Зырянку.

- Не беспокойся, Анисья Яковлевна, я возьму к себе в сани Самсона Аверьяновича, повезу его. Может все обойдется. Вины за ним ведь никакой нет. Да и за другими тоже. Это кто-то наврал на них. Так рассуждали наивные люди, выдавая желаемое за действительное.

Моя мать, Анисья Яковлевна, совершенно неграмотная сорокапятилетняя женщина, задавленная нуждой, мечтала о лучшем: а вдруг и правда, все обойдется, узнают, что ее муж - честный человек, ни в каких заговорах никогда не участвовал. Так хотелось, чтобы все так и было! Чтобы ее муж, отец ее детей, с которым прожила двадцать пять лет в великом крестьянском труде, в стремлении к крестьянскому достатку, которое понималось просто: есть, что поесть, есть, что надеть на себя в будни и праздник, без каких либо прихотей. Перед ней пронеслись картины всего пережитого.

Удары следовали один за другим: 1914 год – война, призван в армию. Ранения, краткие побывки домой. Гражданская война, 1922 год, Дальний Восток, тяжелое ранение в правую ногу, возвращение домой на костылях.

1918 год. Зарублен саблей свекр, отец мужа, за то, что два сына в Красной Армии. Дело рук колчаковцев.

Как сейчас помнит и видит Анисья Яковлевна страшную сцену, когда колчаковцы в присутствии всей семьи и малых детей выдергали бороду свекру, а затем отрубили ему голову.

Кровь стынет в жилах, когда эта дикая расправа вспоминается.

Прогнали колчаковцев, вернулся муж. Началась чуть ли не круглосуточная работа. Строили дом, пахали и сеяли, жали и молотили урожай. Не щадили себя, своего здоровья. Но не пошел в колхоз хозяин, раскулачен и выслан в глухую томскую тайгу.

И вот, через восемь лет, новый удар в самое сердце: арест неизвестно за что.

Что будет с ним, что будет с нами и что будет со старшим сыном?

Эта пронзительная головная боль, боль сердца не отступала ни на минуту, истерзала все ее существо. Но смерти нет, и от беды никуда не сбежишь и не укроешься.

Да и дети на руках. Разве можно их оставить одних. Кому они нужны?

Все эти житейские вопросы один за другим, как в калейдоскопе, пронеслись в ее израненном мозгу и не находилось ответа.

Вскоре пришла жена арестованного Зиновья Чанова, сказала, что женщины с ребятишками идут к молоканке, так как скоро будут увозить мужиков.

-Пойдем, Анисья Яковлевна, может, удастся перемолвиться и хоть что-то из еды передать нашим мужикам.

Сборы были коротки. Булки хлеба, вареный картофель, узелок соли, полотенце.

Когда пришли к молоканке, там были семьи других арестованных. Стояли охранники из лагеря, подводы. Все пришедшим было приказано уйти за помещение молоканки. Покорно подчинились и поняли, что не только что-то передать, но просто увидеть не удастся. Вскоре послышались шаги из помещения, скрип шагов по снегу и характерное покашливание. Мать поняла, что это ее муж. Он всегда так покашливал, когда утром выходил из квартиры, отправлялся на работу.

Сердце неудержимо заколотилось, в глазах потемнело, и слезы градом потекли по щекам. Скрип полозьев, все скрылось в морозной дымке навсегда, навечно, безвозвратно. Окоченевшие от лютой стужи, убитые невыносимым горем женщины с

детьми поплелись по своим хибарам мыкать нужду, ждать долгие годы и никого не дожидаться, ни одной весточки. Эти ожидания продолжались долгих сорок семь лет. Испытав великую нужду, перенеся все жизненные невзгоды, Анисья Яковлевна в присутствии старшего сына и дочери 23 марта 1985 года отошла в мир иной, прожив 94 года. Последние десятилетия ее прошли благополучно. Она была окружена заботой и вниманием сыновей и дочери Марии. Обиждена, обогрета в благоустроенной квартире и похоронена на центральном кладбище города Томска.

V

Девять молодых мужчин, запертых в небольшой комнатке молоканки, за всю ночь не сомкнули глаз. Каждого терзал один вопрос, на который не было ответа: кто наврал на них, что они собирались организовать, поднять восстание против Советской власти?

- Кто этот подлец? – мозг работал безостановочно, но трудно было подумать на кого– либо из односельчан. Есть не хотелось. Хотелось пить, мучила жажда, но воды не было: кто-то предусмотрительно флягу с водой убрал.

И вот путь в райцентр. Ехали на разных подводах, разговаривать не хотелось, да и не о чем. Все уже перетолкли, как в ступе.

Ясно одно: обвинение страшное, оправданий нет, так как их никто во внимание не принимает. Обыски у всех ничего не дали. Оружия или каких-то листовок ни у кого не обнаружено, так как их в природе и не было. Ходили друг к другу. Ну и что? Все ходят. Кроме хозяйственных разговоров ничего и не было. Никакой политикой никто и не занимался.

Где-то, какой-то князь... Кто его видел, кто его знал? До 12 февраля никто из арестованных и не представлял себе о его существование. Какой царь, где он? Все это нелепо, ум отказывается понимать, что им предъявляют, в чем их упорно обвиняют? Ясно было одно: их ждут страшные испытания, из которых

вряд ли они выйдут живыми. По опыту с другими мужиками, увезенными ранее и бесследно исчезнувшими, они ясно себе представляют, что будет, как только переступят порог в арестантской НКВД.

Поздно вечером, иззябшие и голодные, они, наконец, прибыли к деревянному двухэтажному зданию НКВД, расположенному на крутом берегу Чулыма. И сразу же ощутили на себе «гостеприимство» палачей. Грубая брань, окрики, удары прикладами карабинов в спину, голову.

Втолкнули в тесную, грязную арестантскую. Покормить их никто и не думал. Не подохнут до утра! Да и много ли им жизни отпущено? Уж кто-кто, а охрана все хорошо знает.

Осмотревшись, начали устраиваться, кто на голых нарах, кто на полу и под нарами.

- Ну, мужики, с прибытием и с новосельем - хмуро пошутил силач Зиновой Чанов. Да, силен был парень. Поднять в лодке и бросить в воду пятнадцатипудовый якорь для него было сущим пустяком. И борец был непревзойденный. В ожидании парохода в обратный путь после сдачи приплавленного леса, на берегу пристани затевалась борьба на победителя.

Команда «бурлаков», в которой был невысокого роста, плечистый Зиновой, всегда выходила победителем. Противник, победивший до этого многих борцов, был легко и как-то мгновенно с силой брошен на землю, подняться с которой не всегда мог самостоятельно.

И вот теперь он безропотно сносит удары прикладом от какого-то сморчка, заморыша, которого он одним пальцем лишил бы речи. Власть силу ломит.

Утро. Принесли баланду и по куску хлеба, стакан жидкости, отдалённо напоминающую чай. Завтрак окончен.

Нет нужды описывать допросы. Они довольно банальны.

В следственной комнате трое. Один за столом, и два дюжих сзади у двери. Отрицательные ответы на вопросы приводят к «обработке», к выколачиванию памяти.

- Вспомни, вспомни, вспомни... Ведь вот как у вас всё было...

Так достигается нужный результат. Всеобщее признание, кто кого завербовал, что хотели сделать. Всё идёт как надо.

Тощее «дело» с подшитыми листками доносов и протоколов допросов запечатывается в пакет с сургучными печатями. Этап готов к отправке в томскую тюрьму.

VI

Морозы не спадали. Дни, когда ярко, по-зимнему светит солнце, сосны стоят в каком-то необыкновенном уборе из серебра. Тихо. Лишь кое-где, в глубине бора, вдруг рухнет вниз ком снега. Это красавец глухарь опустился на ветку. И снова все тихо...

Вот в этом сосновом бору, в пяти километрах от большого села Мишутино, почти наполовину состоявшего из мордвы, был расположен колхоз им. Литвинова М.М. из двух хуторов, отстоявших друг от друга на расстоянии двух километров. Через второй хутор проходила зимняя дорога из Зырянки до деревни Спасаянка и далее на Иркутский тракт, через старинное село Турунтаево, до Томска. Летом здесь никто не ездил, за исключением лесников, т.к. через речку Яю не было моста.

В колхозе им. Литвинова была небольшая начальная школа, заведовал которой старший сын Самсона Аверьяновича Григорий.

Сын и не подозревал, какая беда обрушилась на его отца и всю семью. Эта беда в любую минуту могла привести к аресту и сына.

Зимние дни коротки. Сумерки наступают рано. Где-то часу в девятом вечера, из второго поселка прибежала девочка лет десяти. Спросила, дома ли учитель.

- Дома, - ответила хозяйка квартиры. Перед учителем предстала Поля из второго класса, в пальтишке, валенках, на голове платок. Она приблизилась к учителю, каким-то странным, как бы сдавленным голосом сказала:

- Ваш тятка у нас. Его с мужиками охранники пригнали из Зырянки.

- Где он сейчас? – задал Григорий первый вопрос, хотя и было ясно сказано, что «у нас».

- Их охранники закрыли в нашем амбаре, а сами у нас ужинают и самогонку пьют.

- Так ведь мороз на улице! Как же они в холодном амбаре?

- Им разрешили давать кипяток. Вот я им на железной печке кипячу в чайнике, кружки унесла. Они пьют и руки греют. Ваш тятка спросил меня, учусь ли я в школе и кто мой учитель. Я ответила. Он сказал, что это его сын. Кто-то дал ему клочок от махорочной пачки, а я карандаш. Он прислал Вам записку.

Учитель взял из рук Поля желтоватый измятый клочок и увидел почерк отца. Отец написал: «Я арестован безвинно. Пришли денег». С трудом можно было разобрать написанное. Учитель достал деньги - их всего было восемь рублей, и отдал Поле.

Поля собралась уходить, но остановилась. Затем снова заговорила:

- Вам нельзя к нам идти. Так мне мой тятка сказал. Меня не видели, что я сюда пошла.

И храбрая Поля пошла по морозу и тёмному лесу домой. В комнату к Григорию вошли хозяева. Оба расстроенные, мрачные. Долго молчали. Все ясно и без слов, а утешения не помогут.

Учитель сидел с сухими глазами, слёз не было. В голове вихрем проносилась вся его короткая жизнь. В глазах стоял отец.

Помнилось, как в декабре 1937 года они с матерью приезжали к нему на лошади. Комендант разрешил побывать у сына. Погостили три дня. Вечерами подолгу разговаривали. Отец любил шутить. Хозяин квартиры, любивший выпить самогонки, пытался угостить и отца, но тот всегда отказывался. Мать вела бесконечные разговоры с хозяйкой о детях, жизни, нужде, которая всех давила беспощадно.

Ничто не предвещало страшных событий, которые могли бы обрушиться на отца, всю семью. Хотя в посёлке аресты были, как и в колхозных посёлках.

И вот как гром среди ясного неба: отец арестован, его гонят в Томск, а там, может быть, и дальше, на Колыму, в лагерь. В уме рисовались жуткие картины, в центре которых отец. Высокий, крепкого телосложения, ему надо было и крепкое питание. В лагере он обессилит от голодного пайка, а изнурительный каторжный труд сломит его здоровье. Там, в болотах Колымы, он и погибнет. Так думалось, такое сложилось убеждение.

С этим убеждением, что отец умер на каторге, прожила вся семья до 1992 года, долгих пятьдесят четыре года! Попытки узнать, где отец и что с ним, как правило, ни к чему не приводили. Никаких ответов.

Для Григория, которого в 1937 году приняли в комсомол, началась странная жизнь: днем в школе, с детьми, которые, конечно же, знали, что отец их учителя враг народа, арестован, а вечером и ночью – ожидание ареста.

Стремление не показать своего душевного состояния, что-то интересное и полезное сделать для детей вместе со своими еще двумя учителями, как-то уравновешивало жизнь.

Вскоре началась большая политическая работа по подготовке и проведению первых выборов в Верховный Совет СССР. Работа агитатором, писание лозунгов, проведение собраний избирателей внесли успокоение и уверенность, что все будет нормально.

Но в списки избирателей учитель не был внесен: сын врага народа не может избирать достойных представителей в высший законодательный орган...

VII

Кое-как перетоптавшись длинную морозную ночь в холодном амбаре, утром, с милостивого разрешения конвойных, опухших от дикой ночной пьянки, арестованные попили кипятку с сухим

хлебом и двинулись дальше на Томск. Наконец, на вторые сутки, прибыли в Томск, остановились перед массивными воротами тюрьмы. Всех мужиков охватило душевное волнение. ЧТО их здесь ожидает? Новые допросы и еще более жестокие побои, голодный паек, вонючая камера с уголовниками?

Возможно и другое: областные работники внимательно разберутся, выслушают каждого и поймут, что они не виновны и отпустят домой. На том их мытарства закончатся.

Или, наоборот, этапом в арестантских вагонах, вместе с другими отправят в лагерь, какой они знали у себя по соседству с поселком.

Никто не думал о своем близком конце. Иногда эта мысль как бы краем холодного крыла закрадывалась в душу, но с ужасом тот час отвергалась, как невероятная.

За ЧТО? Нет ни за одним из них никакой вины перед государством. Уже и так жестоко наказаны и они сами и их жены и дети.

Во-вторых, казалось им, ведь они еще молодые, им по 45 лет! Они полны силы и могут и хотят работать, растить детей, уважать своих подруг жизни.

Но они не знали о той беспощадной машине, которая, как в огненное жерло, поглотила уже миллионы людей и продолжала перемалывать людские судьбы. Слуги этой машины с огромным рвением и великой изобретательностью разрабатывали новые версии о террористах, монархистах, слали отчеты о своих достижениях вверх, получали оттуда благодарности, повышения в званиях и должностях. Блаженствовали на людской крови, муках женщин и детей. Перед людьми демонстрировали своё могущество, внушали страх и покорность. Были уверены, что никто и никогда не узнает об их злодеяниях.

Наконец, арестованных конвойные сдали, получили документы и отправились на отдых с чувством исполненного долга.

Мужиков провели через тюремный двор, ввели в огромное мрачное здание. Длинные коридоры с множеством дверей, лязгом замков действовали на психику несчастных. Вот она, знаменитая Томская тюрьма.

В камере, в которую их втолкнули, были еще заключенные. Большинство тоже простые мужики, помещенные неделей раньше. Был среди них и человек с образованием, томич, не то инженер, не то какой-то начальник.

Короткое знакомство:

- За что арестованы?

- Не знаю.

- А какое обвинение вам предъявлено?

Трудно было выговорить, и еще более трудно понять, что это за организация, которую они, якобы, создали в глухой тайге.

Томич популярно объяснил, что им грозит в лучшем случае каторга, в худшем случае - смерть. Людей с такими обвинениями не жалуют. Судить будет «тройка» НКВД. Суд простой и скорый.

Новички от страшной усталости и голода в тепле окончательно сморились и буквально валялись с ног. Мрачная, затхлая, вонючая камера давила на сознание, говорила о безысходности, не вселяла никаких - либо надежд на милосердие, понимание.

Кое-как определившись на полу по разным углам, стащив с себя одежду и обувь, мгновенно уснули.

В шесть часов утра подъем, баланда. Что будет дальше, никто из прибывших не знал. Знатоки объяснили, что будут допросы, зуботычины и разные штуки.

Целых пять дней никого из симоновских «монархистов» на допросы не вызывали. К отцу обращались его друзья, но он ничего сказать не мог. Как и они, он первый раз в жизни оказался в тюрьме. Считал, что начальство изучает их бумаги, протоколы допросов, возможно, запрашивает какие-либо дополнительные данные, поэтому и не вызывают на допросы.

В последний день февраля первым вызвали отца. Конвойный привел в комнату, где находился человек в военной форме.

- Назовите свою фамилию, имя, отчество, год рождения!

- Молоков Самсон Аверьянович, 1894 года рождения, из крестьян, сам крестьянин.

Так начался первый и последний допрос отца и его товарищей в Томской тюрьме. Он был скоротечным, так как следователь исполнял простую формальность перед представлением дел на заседание «тройки». Ему не было необходимости разобратся по существу. Вряд ли он всерьез верил, что малограмотный мужик и его малограмотные товарищи действительно создали монархическую террористическую организацию, что думали поднять мятеж, с дубинами в руках свергнуть Советскую власть.

От спецпоселка, затерянного в глухой тайге, до районного центра сотня километров ужасного бездорожья, а город им был просто недосыгаем! Но заведенная машина по физическому истреблению трудоспособной мужской силы работала безостановочно и он, следователь, ее маленькая деталь, обязан беспрекословно выполнять установку свыше. И он бездумно ее выполнял, как робот. Не он один, а все так делают, отправляют на смерть неповинных людей. Круговая порука. Нельзя выломиться из этого круга: очень много знаешь. Иначе самого ожидает эта же участь.

Допросы завершены. Вот и первое марта. Никого и никуда не вызывают. Мужики переговариваются между собой. На душе тревога, какое-то тяжелое, щемящее душу предчувствие. Тревога усугублялась еще и тем, что за эти дни несколькими арестованным приказали выйти из камеры с вещами. Вышли и больше не вернулись. Где они и что с ними? Никто ответить не может.

Прошла еще одна тревожная ночь. Утро второго марта ничем не отличалось от других, уже прошедших. Однако... Дверь камеры открылась, охранник крикнул:

- Зэк Молоков, на выход с вещами!

Вот оно... Подошло... С вещами, которых не было. Все вещи на нем...

VIII

Коридоры, переходы, железные двери и вот, наконец, ярко освещенная комната. У противоположной стены большой стол. На стене портрет Сталина. За столом трое военных, сытых, гладко выбритых, в отлично подогнанной форме с красными петлицами - знаками различия.

Самсон Аверьянович остановился у двери. Ждал, что будет. Он не представлял себе, что это и есть тот самый суд скорый, о котором говорили в камере.

- Подойди ближе и назови свою фамилию, имя, отчество, год рождения, социальное происхождение!

Отец, как и у следователя, назвал себя и кто он.

- Вам известно, в чем обвиняетесь?

- Известно. Только разрешите сказать.

- Говори.

- Я не мог идти против Советской власти, так как воевал за нее с 1917 по 1922 год! Несколько раз ранен.

-Это «тройке» известно, но мало ли что ты воевал, а потом обозлился на Советскую власть и, как человек военный, решил бороться с ней! Это доказано материалами следствия и удостоверено твоей личной подписью. Это твоя подпись?

- Да, моя.

- Ну, вот и все. Вести разговоры дальше «тройка» не видит необходимости. Ты враг народа. А врагов уничтожают! «Тройка» приговаривает тебя к расстрелу. Приговор понятен?

- Да.

- Уведите!

На все ушло всего пять минут...

Обратный путь был по времени тот же, но казался бесконечным... В душе, в уме вихрем проносилась одна и та же мысль: расстрел, расстрел, расстрел, расстрел... Сердце, казалось, вырвется из груди. Что делать? Кому и что сказать? Кто может облегчить, смягчить участь? Есть ли какой-то выход из этого невероятного состояния? Как скоро свершится исполнение приговора?

Нет, никто не может помочь. Эти люди беспощадны. Когда объявляли приговор, на их лицах было какое-то тупое безразличие к судьбе стоящего перед ними человека, высокого, заросшего седой бородой. Перед ними прошли уже сотни, а может и тысячи таких вот «врагов народа». Всё уже примелькалось. Бумажка размером пять на десять сантиметров, где записаны данные зэка, за что осужден, приговор, подписи. Все. Человека нет. Да и человек ли это? Так, враг народа.

Наконец, этот утомительный путь окончен, как и вообще весь жизненный путь. В расцвете физических и душевных сил, в 45 лет умирать неизвестно за что, почему... Горько, тошно...

Камеру открыли, но это была уже совсем другая камера. Сначала показалось, что в ней вообще никого нет. Но, присмотревшись, Самсон Аверьянович увидел человека, сидящего на табурете, привинченном к полу. Еще один такой же табурет. Две кровати, по одной у стены. Прижаты к стене.

- Здорово были!

- Здравствуйте, товарищ! Проходите, раздевайтесь. Садитесь. Давайте знакомиться. Меня зовут Иван Михайлович. А Вас?

- Самсон Аверьянович.

- Как я понял, Вы только что с суда, с «тройки». Понимаю также, какой приговор Вам вынесен. Такой же, как и мне. Вдвоем будет легче.

Так начался разговор с новым знакомым. Из разговора выяснилось, что это камера смертников, что расстрелы производят рано утром, когда еще темно. Иногда уводят по одному, а иногда группой в несколько человек. Если уводят одного, то в подвал, а если группой, то за тюрьму, в лог, на Каштак.

День и ночь тянутся мучительно долго. Каждый шаг, стук в коридоре глухим болезненным ударом отзывается в сердце.

Самое мучительное время наступает во второй половине ночи: вот сейчас лягнет поворот ключа в замочной скважине и надо вставать и идти в бесконечность, в небытие...

По совету Ивана Михайловича Самсон Аверьянович прилег на кровать, когда охранник разрешил ее опустить в горизонтальное положение.

Думы, думы... Перед глазами идут картины прожитой жизни.

Вот 1914 год. Всего два года как женился на миловидной, очень тихой и послушной Оне Майдуровой. Первая дочь - Анастасия. Через год она умерла.

Началась война. Призван в армию. В Барнаул приехала поглядеться Оня со своей подружкой, у которой муж был в той же части. Сфотографировались на память.

Фронт, бои, ранения... Короткие побывки домой. Родился сын, старший, теперь учитель. Как он там? Наверно, тоже арестован. Ведь не зря же взяли его фотографию...

1917 год, революция. Красная Армия - весь полк перешел на сторону красных. Снова бои. И снова ранения.

1918 год – после госпиталя побывка домой. Родился сын Иван.

Наконец, разгром белых армий. Полк переброшен на Дальний Восток. Разгром Японской армии. И снова ранения, госпиталь, демобилизация домой. В городе Камне встречает брат Алемпий, тоже недавно демобилизованный из Красной Армии. Дома, с родной и дорогой женой, двумя сыновьями! Счастье...

Надо строить дом. В отцовском остается младший брат. Лес на дом возили на лошадях из Кулундинского бора.

Так началась самостоятельная крестьянская жизнь. Хлебопашество, любимое и очень трудное занятие. Но тут началась коллективизация. Категорический отказ вступать в колхоз. Пошли слухи о раскулачивании и выселении.

Сосед – кузнец Савелий Суслов, приходил по вечерам поговорить. Убеждал все продать и немедленно уехать на шахты или в какой-либо город, что он вскоре и сделал. Продал дом и кузню, исчез с глаз долой. Мозолистые руки кузнеца везде нужны!

Но, думалось, за что же раскулачивать. Ведь я восемь лет не снимал солдатской шинели, кровь проливал за власть Советов! Все своим горбом нажил. Нет, меня не тронут...

Тронули, да еще как! Долгий, долгий путь с семьёй в ссылку, в бывшую Томскую губернию. Работа в леспромхозе. Тесный домишко, но жизнь как-то наладилась. Досаждал придирками комендант. Кое-как уговорил отпустить старшего сына учиться дальше.

И вот снова удар судьбы. Удар жестокий, беспощадный. Лежу теперь на этой холодной, голой железной кровати – топчане, приговоренный к смерти.

Ничего не знает об этом моя семья. Не знают, где я, что со мной, что я еще есть, живой, но на самом деле меня уже нет. Я вычеркнут из жизни. Как они там без меня? Совсем еще подросток Иван, маленькая Маруся и моя Оня, совсем неграмотная... Хоть бы в какую-то щель, хоть одним глазом взглянуть на них! Все бы было легче умирать...

Картины одна другой тяжелее рисовались в воспаленном мозгу...

Так продолжалось страшных пять суток, а смерть все не приходила, но и не отпускала из своих цепких лап. Как-то подумалось, а, может, приговор отменен?

Наконец 7 марта 1938 года на самом раннем рассвете в замочной скважине железной двери загремел ключ. Сердце как бы на мгновение остановилось. Поднялся с лежанки. Поднялся и Иван Михайлович.

Дверь распахнулась. Конвой.

- Выходите с вещами.

Взглянули друг на друга. Два сильных, мужественных, молодых мужчины крепко пожали руки и шагнули из камеры. Шагнули в вечность, возврата откуда нет.

IX

В полной неизвестности, в страшной нужде началась одинокая жизнь Анисьи Яковлевны. Одному богу известно, как она сумела выжить и вырастить детей в той таежной глухомани...

Прошли годы. Я, старший сын, автор этого повествования, закончил учительский институт, был назначен директором школы в Киселёвский район Запсибкрая, затем фронт, Сталинград, ранение. Работал директором нескольких школ в Томской области. Переехал с семьей в Новосибирск, поближе уже к своему старшему сыну, направленному в этот город по окончании Томского университета.

Мой брат Иван и сестра Мария перебрались в Томск, обзавелись жильем. Мама стала жить в семье Марии.

Выросли дети, появились внуки.

Казалось бы, все хорошо. Но где отец, что с ним, где находится его прах? Этого никто не знал.

Юра, мой средний сын, привез из Томска необычную книгу – «Репрессии 30-40-х г.г. в Томском крае», Томск, 1991 г. Эпиграфом к книге взяты слова Э. Анрио: «Мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать». Лихорадочно листаю сборник, нахожу фамилию отца зятя, Деева Василия Иннокентьевича, мужа сестры Марии, еще некоторых знакомых, но имени моего отца, Молокова Самсона Аверьяновича, нет. Как же так? Пишу письмо составителю сборника И.Н. Кузнецову и получаю ответ, что группа энтузиастов продолжает работать в архивах Томского КГБ, и будет издана вторая книга. Одновременно Кузнецов сообщил, что теперь можно лично обратиться в Комитет и получить сведения о своем отце.

Не откладывая в долгий ящик, в ноябре 1992 года лечу в Томск и с сестрой идем в КГБ. Нас внимательно выслушали и обещали помочь. Минут через пятнадцать нас пригласили пройти в специальную комнату и вручили очень тоненькую папочку – дело отца.

Сердце зашло в каком-то бешеном ритме, глаза застилает пелена, плохо видно через очки. Что там, в этом «деле»?

Открываем, читаем протоколы допросов. Даже не верится, что так было, так могло быть, что вопросы допрашивающего больше похожи на отрывки из какого-то невероятного анекдота. Но все это на полном серьезе, эта игра с жизнью и смертью совершенно безвинного человека!

И вот они, два миниатюрных листочка с подписями властных лиц: приговор от 2 марта 1938 года и его исполнение – от 7 марта. Все четко, аккуратно, как накладные солидного предприятия на товар: сдано – принято...

Так кто же облил грязью отца и его товарищей? Вот эти три листа, исписанные четким, убористым почерком. Писано одной рукой, все три доноса. Подписи разные: комендант, бригадир колхоза, счетовод.

Счетовода вся наша семья знала хорошо. Наш бывший сосед, более того, мой одноклассник, можно сказать, друг детства.

В 1960 году органы Томска объявляли розыск на начальника Зырянского райотдела НКВД, счетовода и еще некоторых лиц. Нашли одного, судили. Остальные успешно исчезли, притаились.

Совершенно случайно, года четыре назад, узнаю: счетовод живет в Новосибирске, ему 76 лет, возможно, был на фронте, как и я, имеет взрослых детей и внуков.

Чтобы не вызывать чувства позора у детей счетовода, фамилию его не называю.

Первое время возникало горячее желание найти этого мерзавца, посмотреть ему в глаза, но решил, что слишком велика ему честь.

После просмотра дела, мы с сестрой поехали в Томский областной суд, где нам выдали документ о реабилитации отца «из-за отсутствия состава преступления и в связи с тем, что в то время в Томском крае никакой *монархической террористической организации* не существовало». Вот так.

Почти через год из Зырянского отдела актов гражданского состояния, после повторного напоминания Томского КГБ, прислали свидетельство о смерти отца:

- Место смерти: г. Томск
 - Причина смерти: расстрел.
- Вот и *ВСЕ*...

Но нет, не все. Мы не знаем и никогда не узнаем, где же захоронен отец. Старожилы Каштака утверждают, что в те годы ночами и на рассвете часто были слышны выстрелы в овраге, что это расстреливали людей.

Но можно ли в это верить? Видимо, да. Ведь где-то надо было уничтожать людей. И уничтожали. Беспощадно. Врагов народа, и мнимых и действительных.

У нас же сохранилась одна единственная фотография от 1914 года, когда мать приезжала в Барнаул к отцу в воинскую часть. Она сидит на стуле в скромном платье, платке. Папа стоит позади, опираясь на спинку стула. Стройный, черноволосый, красивый в своей казачьей форме с шашкой на боку. Больше ни одной фотографии отца нет. Не любил он, да и некогда ему было позировать перед фотографом.

Так и остался в нашем представлении отец наш: всегда молодой, рослый, статный, красивый. Да, таким он и был в свои 45 лет. Горе и нужда не согнули и не сломили этого мужественного человека. Вечная ему память...

Фото 1. Сыновья: Молоков Иван Самсонович (слева), Григорий Самсонович (справа)

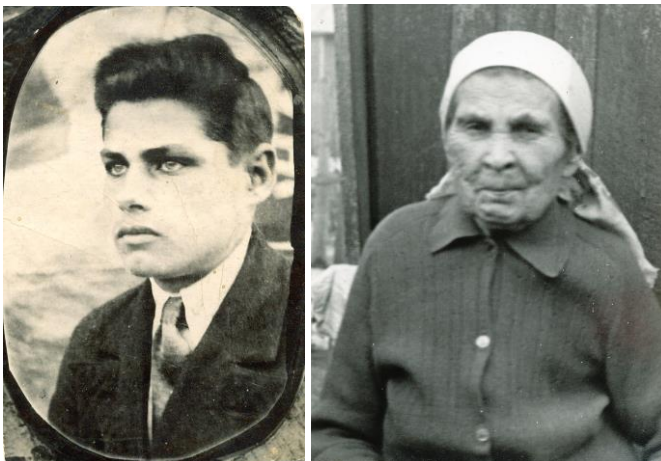

Фото 2. Сын Григорий Самсонович

Фото 3. Анистья Яковлевна Молокова

Послесловие

Нас трое у нашего отца, Молокова Григория Самсоновича. Три сына – Герман, Юрий и Александр. 1941, 1946 и 1951 – это годы нашего рождения. У нас была очень дружная семья, которая опиралась на плечи, прежде всего, нашей мамы, Татьяны Александровны, в девичестве Баевой, уроженки села Турунтаево Туганского (Томского) района Томской области. Наши юные годы пришлись в основном на село Турунтаево, где жили родители мамы. После многочисленных переездов наша семья осела здесь надолго в начале 50-х годов. Папа построил новое здание школы, где и директорствовал.

Щемит сердце, когда вспоминаешь, как тянулась мама изо всех сил, чтобы и хозяйство вести со всеми его постройками, огородами и огородчиками, коровами и овцами, поросятами и

прочей живностью, и детей обиходить, и мужа на работу собрать. И все это рано-рано утром и потом допоздна вечером. Весь же день на работе, как и все женщины. И еще забота - взглянуть под стать мужу, нашему отцу. А выглядел он за зависть всем: подтянутый, стройный; черные, чуть волнистые волосы, зачесанные назад. Всегда в костюме – вначале китель сталинского кроя и галифе, хромовые начищенные сапоги или валенки, завернутые местным умельцем в три оборота, затем уже в обычной паре – пиджаке и брюках, белая рубашка, обязательный галстук, ботинки. Зимой – белые бурки, пальто с каракулевым воротником и каракулевая же шапка. Мама не отставала от него, была не из последних модниц села! То жакетка из плюша, то доха китайская. Отрезы на платье папа привозил из райцентра.

Мы помним вас, наши дорогие мама и папа, и теми - молодыми, интересными, работающими. Помним, и когда вам перевалило за семьдесят, когда подошли к восьмидесяти... Папа дожил почти до 91-го года, прожил с 1916 по 2007 год, мама скончалась на 84-м году жизни, в 2004-м... Вечная вам память, наши родные и любимые!

Но рассказ о нашей семье, об окружающей восхитительной природе – тема отдельная.

Сейчас несколько об ином. В нашей юности всегда были *дедушка и бабушка Баевы*. Мед и баня, покосы и заготовка дров, копка картошки. Все праздники вместе. Бабушку же Анисью Молокову (бабушку Оню), мы видели очень редко. Жила она где-то в тайге на востоке Томской области и каждый из нас, братьев, побывал у нее в гостях по разу: сутки на грохочущем бортами ГАЗике, паром, глиняная колея по тайге... По деревне Торба, где жили лесозаготовители, только пешком или на лошади: посередине улицы торчали пни высотой до метра. Оказывается, нет в селе ни автомобилей, ни тракторов! В начале 60-х! Но все запомнили одно: бабушка Оня затапливает во дворе печку, а нас отправляет с таким же юным родственником из местных за щуками.

-А где они?

- Да вот же, спуститесь к озеру и *наблесните!*

Спускаемся, пристраиваемся в юрком обласке («не держитесь за борта!»), леска в зубах у опытного одногодка. Рывок! Вот она, щука. Еще, еще! Это не наши, турунтаевские щурята...

-Ну, где вы? – раздается с берега голос бабушки, - печка всю топится, пора завтрак готовить, рыбу жарить!

Причаливаем, лезем по крутому берегу. Солнце раннее яркое, ни ветерка. И необыкновенный запах таежных трав, хвои, сохнувшей коры с ошкуренных бревен. И дымок со дворов соседних домов. Утро в таежном селе. Вот как работает память: один раз и на всю жизнь остались ощущения в звуках, запахах, картинах увиденного. Не знаю, как у моих братьев, но у меня, четырнадцатилетнего, возникла в те дни какая-то смутная *тревога*. Она потом возникала каждый раз, во время приезда бабушки Они к нам. За всю мою жизнь это было три-четыре раза. И каждый раз ощущал возникающую *натянутость в отношениях* моей мамы и бабушки турунтаевской – бабы Нюры и бабушки Они. Да и дед Саша, турунтаевский дед, не жаловал как-то гостью. И даже последний приезд ее в Новосибирск году в 1967-68 также был полон странными проявлениями со стороны нашей мамы.

Про папиного отца в нашей семье *никогда* не говорили. Навероятно, но лишь к годам 15-16-ти я начал осознавать, что у меня должен был быть и второй дед, и у него имя *Самсон*. Я даже не идентифицировал отчество отца с именем второго дед! Видимо, с малых лет всяческие попытки заговорить, спросить пресекались родителями.

Сейчас я вспоминаю: какие бы изменения не происходили в стране - смерть Сталина, правление Хрущева, появление в селе денежной зарплаты, паспорта сельчанам – о юности отца мы ничего не знали, и разговоров никогда не возникало. Запомнились его воспоминания о речке Черемшанке, которая протекала где-то за городом Камнем, о сосновом боре, где наламывали телегу белых грибов и боровиков, об арбузах, которые возили в

город Камень-на-Оби. Все это не увязывалось в сознании с виденным лишь однажды бабушкиным поселком в таежной глуши. Какие арбузы, какая Черемшанка, когда там глухая тайга, речка Четь, да километрах в 50-ти полноводный, мрачный Чулым? Но никто из братьев *не спрашивал* отца.

Прояснение наступило уже в Новосибирске, ближе к семидесятым. Столько лет родители избегали не только говорить, но и думать об участии отца моего папы – Молокова Самсона Аверьяновича. Милые мои турунтаевские дед с бабушкой каждый раз, как я сейчас понимаю, вздрагивали при упоминании о бабушке Оне: а вдруг кто-то донесет, вдруг пойдут разговоры о родственнике, ее муже – *враге народа*? Баевы - оба видные на селе люди, члены партии, да и зять в партии с недавних пор. Все *рухнет* в одночасье! Рожденные в 1900 году, они видели и колонны каторжников, перегоняемых еще при царе по Иркутскому тракту, на котором стояло Турунтаево, даже помнили бряцание кандалов – за километр слышно! Располагали у себя на ночлег по разнарядке колчаковцев; и затаивались при очередных арестах односельчан «по линии НКВД».

Это лишь *догадка* моя. Об отце моего отца мы никогда не говорили с ними. Да и в селе на протяжении всего моего детства никаких разговоров об арестах - лагерях не велось. Даже когда я после школы остался работать трактористом в совхозе и вплотную общался с крестьянами, темы, связанные с милицией, НКВД, КГБ не обсуждались! Но всю жизнь я вспоминаю два странных события. Первое связано с селом Малиновка Томской области, где мы жили в начале 50-х. Мне было, видимо, семь лет. Однажды, в одну из ночей, со стороны железнодорожной станции был слышен шум, крики, шипение паровоза, какие-то удары то ли по металлу, то ли по доскам, по стеклу. Утром с отцом мы пошли на станцию, там всегда продавали клюквенный вкуснейший морс. Все на перроне было разгромлено: разбит киоск с морсом, везде ломаные доски, стекло. Тогда я услышал слово «зэки» и страшно испугался, потому что испуган был и

наш отец. Намного позже я сопоставил это с амнистией после смерти Сталина.

Второе событие произошло в Турунтаево. Не помню, в каком году это было. Может быть, в 1956. Мы крутились недалеко от околицы, вернее, у ее ворот. Смотрели, как сверстник Колька Потрехаев открывал ворота, сделанные из жердей, и пропускал грузовики, бензовозы, либо телеги с покосниками. С машин ему бросали монету. В основном это делали анжерские водители – как-никак, а чужая область, не своя, Кемеровская! И тут появился человек со стороны Томска. Высокий, широкоплечий – гигант! В какой-то серой одежде, разбитых то ли сапогах, то ли ботинках. За плечами мешочек на веревках. Волосы седые. Протиснулся в прикрытые ворота и упал на колени! Мы испугались и затаились. Человек постоял на коленях, нагнув голову, встал и пошел по улице дальше.

- Михаил, Серебренников! - услышал я возглас женщины из крайнего дома. Так и запомнил. Вот тогда в первый и последний раз услышал я от деда Сани реплику на «закрытую тему»:

- Нюра, слышишь, Серебренников *пришел*, Юрка видел, и Катя Руденко сказала.

Сейчас думаю, что правильную линию вели наши родители, не втянули нас, детей, в *паутину страха*, не привили нам привычку постоянно помнить и оглядываться: а вдруг все вернется?

Есть еще одно обстоятельство, о котором я должен обязательно сказать. То, о чем написано в публикуемой рукописи отца – *правда*. И все это страшно настолько, что берет оторопь: русские ли, земляки ли наши это все творили? Читаешь рассекреченные и опубликованные списки сотен тысяч загубленных только в Томске и не хочешь верить. Читаешь материалы допросов бывших энкэвэдэшников, арестованных во времена хрущевской оттепели и вскипает злость: это ведь я отговорил отца не искать описанного в его воспоминаниях *счетовода*. А сейчас, когда поочередно с сыном Юрой и дочерью Машей набрали на компьютере отцов текст, появилось желание найти *следы подонка*. Я знаю его фамилию – Напалков. Конечно, его нет уже на

свете. Но есть дети и внуки. Хотелось бы посмотреть, далеко ли падают яблоки от яблони? Не русское ли всепрощенчество привело к власовщине, к полицейству...

Если сказать правду, отец действительно принял решение после прочтения документов в Управлении КГБ по Томской области *не искать виноватых*.

Вот они, выписки из документов, найденные мною через Интернет в Книге Памяти Томского областного историко-просветительского правозащитного благотворительного общества "Мемориал":

Документ 1

ФИО главы семьи репрессированных: МОЛОКОВА АНИСЬЯ ЯКОВЛЕВНА

Дата рождения: 1891

Класс: КУЛАКИ

Дата высылки: 12.12.1930

От куда выслан: ИЗ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Состав семьи: МОЛОКОВА МАРИЯ САМСОНОВНА 1929 Г СНЯТА 03.27.1946

МОЛОКОВ САМСОН АВЕРЬЯНОВИЧ 1891 Г АРЕСТ В 1938Г

МОЛОКОВ МИХАИЛ САМСОНОВИЧ 1932 Г НЕ УСТАН.

МОЛОКОВА НАДЕЖДА САМСОНОВНА 1935 Г НЕ УСТАН.

МОЛОКОВ ГРИГОРИЙ САМСОНОВИЧ 1916 Г СНЯТ 05.28.1940

МОЛОКОВ (видимо, Иван Самсонович, г. рожд. не уст.)

Основание репрессий: ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК И ЦИК СССР ОТ 1.02.1930

Основание снятия с учета: ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

#245-74СС ОТ 20.01.1950

Снятие со спец переселения: 10.03.1950

Номер архивного дела: 3348

Документ 2

ФИО МОЛОКОВ САМСОН АВЕРЬЯНОВИЧ

Дата рождения: 1893

Место Рождения: - АЛТАЙСКИЙ КРАЙ, - ТЮМЕНЦЕВО

Пол: МУЖСКОЙ
Национальность: РУССК.
Место жительства:- ЗЫРЯНСКИЙ, СИМОНОВКА ПОС.
Место работы:-
Должность: ЕДИНОЛИЧНИК
Социальное положение: *КРЕСТЬЯНИН
Социальное положение до революции: *КРЕСТЬЯНИН
Образование: НАЧАЛЬНОЕ
Партийность: БЕСПАРТИЙНЫЙ
Дата ареста: 10.02.38
Статья:-
Характер обвинения: К-Р КАДЕТСКО-МОНАРХИЧ. ОРГАНИЗАЦИЯ
Дата осуждения:02.03.38
Приговор: Р.
Дата приговора:07.03.38
Дата реабилитации:16.06.60

Какая несправедливая по всем человеческим меркам участь досталась моему дедушке! Но главная суть состоит в том, что мой отец, Молоков Григорий Самсонович, отец *не был обозленным* на Советскую власть! Он был искренним патриотом. Он искренне ненавидел фашистов и воевал под Сталинградом. Он самоотверженно строил школы и создал лучшую в сибирском регионе ученическую производственную бригаду. Как-то похвастался: на всесоюзном совещании на Ставропольщине, во время банкета, стол сибиряков разыскал Хрущев и, чекнувшись с отцом рюмкой *водки* («знаю, что пьют сибиряки!»), выпил за успехи присутствующих!

Когда отцу исполнилось где-то 87-88 лет, он начал поговаривать о каких-то записках. Потом показал мне эти записки. Поговорили о стиле, самом смысле написания воспоминаний:

- Не знаю, будет ли кому интересно это читать, да и вообще, возьмет ли кто в руки мою писанину? Сейчас совсем другая жизнь, другие заботы... Все было очень давно, даже иногда и не верится!

И правда, кажется, далеко оторвались мы от тех лет, описанных отцом. Проезжая под Новосибирском в поезде метро,

наблюдая за пролетающими огромными воздушными лайнерами, читая о сотнях космонавтах, побывавших в космосе, трудно себе представить репрессии, измывательства над плотью и разумом, обозы, везущие несчастных на скорый суд, в лагеря...

Смотрю на пассажиров: кто из них «счетовод», кто «бригадир», кто «комендант» – кто может стать очередным «героем» драмы, похожей на ту, что описана моим отцом?

А может быть, в одном вагоне и я, и дети, и внуки Напалкова?

Впрочем, город, страна большая. Места хватает всем – и левым и правым, и белым и красным, и нечисти и святым...

Прости меня, папа. Прости за то, что не знал всей полноты твоего страдания и горя. Прости, что осознание приходит только сейчас, когда тебя уже *нет*...

*16 декабря, первая годовщина твоей смерти
2008 год, г. Новосибирск,*

Юрий Григорьевич Молоков

Фото 4. Все мы: Папа, мама, Гера, Юра, Саша Молоковы

Фото 5. Здания в Томске, где орудовали *нелюди* из НКВД...

Здания по пр. Ленина 42-44 были построены в XIX веке. С начала 1930-х до 1944 г. здесь располагался Томский городской отдел ОГПУ-НКВД, а с 1923 по 1944 годы находилась **внутренняя тюрьма Томского городского отдела ОГПУ-НКВД**. Строения были связаны между собой подземным переходом. В здании по пр. Ленина 44 находились камеры предварительного заключения для арестованных по 58-й статье Уголовного Кодекса (за контрреволюционные преступления). В цокольном этаже были устроены камеры подсудимых, на первом и втором этажах размещались кабинеты следователей. В 1950-е гг. здание переоборудовали под жилье. С середины 1960-х гг. в цокольном этаже размещалась городская станция юных техников, а с 1989 г. - музей социально-политической истории XX века.

Дверь камеры

Кабинет следователя